

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-yil 2-son

VOLUME 5 / ISSUE 2 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.2.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT YURIDIK UNIVERSITETI

“Jurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas’ul:

O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Sharipov, Y. Yarmolik, E. Mustafayev, K. Abduvaliyeva, Y. Mahmudov, M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Musahhih:

S. Rasulova

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri, Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnom

№ 174625, 29.11.2023-y.

Jurnal 28.04.2025-yilda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 15,8
Adadi: 100. Buyurtma: № 84.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri, Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

BOSH MUHARRIR

B. Xodjayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy boshqarmasi boshlig‘i, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS’UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti kafedrasini mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY’ATI A’ZOLARI

J. Blum – Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (Boston, AQSh)

M. Vishovatiy – Gdansk universiteti professori (Gdansk, Polsha)

A. Hoshimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat boshqaruvi akademiyasi professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

I. To‘raboyev – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

S. Xolboyev – O‘zbekiston Respublikasi Sudyalari oliy kengashi huzuridagi Sudyalari oliy maktabi dotsenti, yuridik fanlar nomzodi (Toshkent, O‘zbekiston)

N. Raxmonkulova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiyasi universiteti dotsenti, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

J. Ne‘matov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi (Toshkent, O‘zbekiston)

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Шарипов, Е. Ярмолик, Э. Мустафаев,
К. Абдувалиева, Й. Махмудов,
М. Шарифова, Ш. Бекназарова

Корректор:

С. Расулова

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
28.04.2025.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 15,8. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 84.

Отпечатано в типографии

Ташкентского государственного
юридического университета.

100047, г. Ташкент, ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б. Ходжаев – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – доктор философии по юридическим наукам, доцент, начальник управления по науке Ташкентского государственного юридического университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – доктор философии по филологическим наукам, доцент, заведующий кафедрой узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – доктор права, профессор Школы права колледжа Бостона (Бостон, США)

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

А. Хошимхонов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

М. Ахмедшаева – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Х. Хаитов – доктор юридических наук, профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

И. Турабоев – доктор философии по юридическим наукам, и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

С. Холбоев – кандидат юридических наук, доцент Высшей школы судей при Высшем судейском совете Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

Н. Рахмонкулова – доктор юридических наук, доцент Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан)

З. Эсанова – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Ж. Нематов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

М. Курбанов – доктор философии по юридическим наукам, доцент (Ташкент, Узбекистан)

Р. Кучкаров – кандидат филологических наук, и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

E. Sharipov, Y. Yarmolik, E. Mustafaev,
K. Abduvalieva, Y. Makhmudov,
M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Proofreader:

S. Rasulova

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgokh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 28.04.2025.

Paper size: A4.

Cond.p.f: 15,8.

Units: 100. Order: № 84.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city, Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITOR-IN-CHIEF

B. Xodjaev – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Head of the Scientific Department of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovatiy – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

A. Khoshimkhonov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Akhmedshaeva – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

Kh. Khayitov – Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

I. Turaboev – Acting Associate Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Tashkent, Uzbekistan)

S. Kholboev – Associate Professor of the Supreme School of Judges under the Supreme Judicial Council of the Republic of Uzbekistan, Candidate of Legal Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

N. Rakhmonkulova – Associate Professor of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

Z. Esanova – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

J. Ne'matov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Kurbanov – Associate Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Tashkent, Uzbekistan)

R. Kuchkarov – Acting Associate Professor of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

MUNDARIJA

12.00.02 – KONSTITUTSIYAVIY HUQUQ. MA'MURIY HUQUQ. MOLIYA VA BOJXONA HUQUQI

- 8 **ALIYEV ILHOMJON MUROD O'G'LI**
Sun'iy intellekt texnologiyalarini O'zbekiston Respublikasi adliya organlari faoliyatiga tatbiq etish

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI.
XALQARO XUSUSIY HUQUQ

- 17 **RUSTAMBEKOV ISLAMBEK RUSTAMBEKOVICH, GULYAMOV SAID SAIDAXRAROVICH**
Zamonaviy kiberkorupsiya: tushunchasi, muammolari va Markaziy Osiyo hududida unga qarshi kurashish choralar
- 30 **JUMAG'ULOV ALISHER ERNAPASOVICH**
Sukuk: yangi huquqiy institutga tarixiy nazar
- 38 **INOYATOV NODIRBEK XAYITBOY O'G'LI**
Sun'iy intellekt va avtonom transport vositalari: raqamli davrda huquq subyektiligi masalalari
- 47 **KAN YEKATERINA EDUARDOVNA**
Sog'liqni saqlash sohasida sun'iy intellektni joriy etishdagi normativ to'siqlar
- 55 **SAIDOV BOBUR BAXROMJONOVICH**
Metaolamlarni huquqiy tartibga solish: virtual dunyoda yurisdiksiya va intellektual mulkni himoya qilish masalalari
- 81 **NABIRAYEVA ZARNIGOR AKMALOVNA**
AQShda robot-maslahatchilar faoliyatini tartibga solish xususiyatlari
- 91 **NURULLAYEV UMIDBEK XUDAYBERDIYEVICH**
O'zbekiston va xorijiy davlatlar qonunchiligida axborot vositachisining huquqiy maqomi masalalari

12.00.04 – FUQAROLIK PROTSESSUAL HUQUQI. IQTISODIY PROTSESSUAL HUQUQI.
HAKAMLIK JARAYONI VA MEDIATSIYA

- 101 **ABDULLAYEVA RISOLAT SUNNATOVNA**
Chet el fuqarolari bilan nikohni qayd etish masalalari va bu boradagi xalqaro qonunchilik asoslari

12.00.06 – TABIIY RESURLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

- 111 **ABDUSAMADOVA ZARINA SHOBIDDIN QIZI**
Xorijiy mamlakatlarda yer servitutining turlari va ularning huquqiy tabiati
- 125 **TURDIYEV BOBIR SOBIROVICH**
Atrof-muhitga oid qarorlar qabul qilishda jamoatchilik ishtiroki: xalqaro standartlar va xorij tajribasi

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

- 141 **RAXMANOV SHUXRAT NAIMOVICH**
Xalqaro tashkilotlarning diplomatik huquqining umumiy xalqaro huquq tizimidagi o'ri: nazariy-metodologik yondashuvlar

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

- 150 **NOSIROVA MARJONA NEGMAT QIZI**
Inson huquqlarini himoya qilishda nodavlat notijorat tashkilotlari ishtiroki tushunchasi va tavsifi

12.00.14 – HUQUQBUZARLIKLAR PROFILAKTIKASI. JAMOAT XAVFSIZLIGINI TA'MINLASH.
PROBATSIIYA FAOLIYATI

- 161 **XO'JAMBERDIYEV FARRUX KOMILOVICH**
Jamoat xavfsizligini ta'minlashni takomillashtirish: Turkiya tajribasi va O'zbekiston uchun istiqbollar

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО.
ФИНАНСОВОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

8 АЛИЕВ ИЛХОМЖОН МУРОД УГЛИ

Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов юстиции
Республики Узбекистан

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

17 РУСТАМБЕКОВ ИСЛАМБЕК РУСТАМБЕКОВИЧ, ГУЛЯМОВ САИД САИДАХРАРОВИЧ

Современная киберкоррупция: понятие, проблемы и пути противодействия
в Центральноазиатском регионе

30 ЖУМАГУЛОВ АЛИШЕР ЭРНАПАСОВИЧ

Сукук: исторический взгляд на новый правовой институт

38 ИНОЯТОВ НОДИРБЕК ХАЙИТБОЙ УГЛИ

Искусственный интеллект и автономные транспортные средства: вопросы правовой
субъектности в цифровую эпоху

47 КАН ЕКАТЕРИНА ЭДУАРДОВНА

Нормативные барьеры внедрения искусственного интеллекта в здравоохранении

55 САИДОВ БОБУР БАХРОМЖОНОВИЧ

Правовое регулирование метавселенных: вопросы юрисдикции и защиты интеллектуальной
собственности в виртуальных мирах

81 НАБИРАЕВА ЗАРНИГОР АКМАЛОВНА

Особенности регулирования деятельности роботов-консультантов в США

91 НУРУЛЛАЕВ УМИДБЕК ХУДАЙБЕРДИЕВИЧ

Правовой статус информационного посредника в законодательстве Узбекистана и зарубежных стран

12.00.04 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. АРБИТРАЖ И МЕДИАЦИЯ

101 АБДУЛЛАЕВА РИСОЛАТ СУННАТОВНА

Вопросы регистрации браков с иностранными гражданами и международно-правовые основы
в этой сфере

12.00.06 – ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

111 АБДУСАМАДОВА ЗАРИНА ШОБИДДИН КИЗИ

Типы сервитутов в зарубежных странах и их правовая природа

125 ТУРДИЕВ БОБИР СОБИРОВИЧ

Участие общественности в принятии решений, касающихся окружающей среды:
международные стандарты и зарубежный опыт

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

141 РАХМАНОВ ШУХРАТ НАИМОВИЧ

Место дипломатического права международных организаций в системе международного права:
теоретико-методологические подходы

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

150 НОСИРОВА МАРЖОНА НЕГМАТ КИЗИ

Понятие и характеристика участия некоммерческих негосударственных организаций
в защите прав человека

12.00.14 – ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОБАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

161 ХУЖАМБЕРДИЕВ ФАРРУХ КОМИЛОВИЧ

Совершенствование обеспечения общественной безопасности: опыт Турции и перспективы для
Узбекистана

CONTENTS

12.00.02 – CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW. FINANCIAL AND CUSTOMS LAW

- 8 **ALIEV ILKHOMJON MUROD UGLI**
Implementation of artificial intelligence technologies in the activities of the justice authorities of the Republic of Uzbekistan

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 17 **RUSTAMBEKOV ISLAMBEK RUSTAMBEKOVICH, GULYAMOV SAID SAIDAKHRAROVICH**
Modern cybercorruption: concept, challenges, and countermeasures in the Central Asian region
- 30 **JUMAGULOV ALISHER ERNAPASOVICH**
Sukuk: a historical view of the new legal institution
- 38 **INOYATOV NODIRBEK KHAYITBOY UGLI**
Artificial intelligence and autonomous vehicles: issues of legal subjectivity in the digital era
- 47 **KAN EKATERINA EDUARDOVNA**
Regulatory barriers to the implementation of artificial intelligence in healthcare
- 55 **SAIDOV BOBUR BAKHROMJONOVICH**
Legal regulation of metaverses: issues of jurisdiction and intellectual property protection in virtual worlds
- 81 **NABIRAYEVA ZARNIGOR AKMALOVNA**
Features of regulating robo-advisors in the USA
- 91 **NURULLAEV UMIDBEK KHUDAYBERDIYEVICH**
Issues of the legal status of an information intermediary in the legislation of Uzbekistan and foreign countries

12.00.04 – CIVIL PROCEDURAL LAW. ECONOMIC PROCEDURAL LAW. ARBITRATION PROCESS AND MEDIATION

- 101 **ABDULLAEVA RISOLAT SUNNATOVNA**
Issues of marriage registration with foreign citizens and the foundations of international legislation in this regard

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

- 113 **ABDUSAMADOVA ZARINA SHOBIDDINOVNA**
Types of servitudes in foreign countries and their legal nature
- 125 **TURDIEV BOBIR SOBIROVICH**
Public participation in environmental decision-making: international standards and foreign experience

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

- 141 **RAKHMANOV SHUKHRAT NAIMOVICH**
The role of the diplomatic law of international organizations in the general system of international law: theoretical and methodological approaches

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

- 150 **NOSIROVA MARJONA NEGMAT KIZI**
The concept and descriptions of the participation of non-governmental non-profit organizations in the protection of human rights

12.00.14 – CRIME PREVENTION. ENSURING PUBLIC SAFETY. PROBATION ACTIVITY

- 161 **KHUJAMBERDIYEV FARRUKH KOMILOVICH**
Improving public safety ensuring: the experience of turkey and prospects for Uzbekistan

Kelib tushgan / Получено / Received: 10.03.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 19.04.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 28.04.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.2./HLRQ3208
UDC: 34:004.9+347.77+006.7+339.13(045)(575.1)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕТАВСЕЛЕННЫХ: ВОПРОСЫ ЮРИСДИКЦИИ И ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ВИРТУАЛЬНЫХ МИРАХ

Саидов Бобур Бахромжонович,
преподаватель кафедры «Киберправо»
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: 0009-0007-8379-9223
e-mail: boburbahromovich.s@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено правовому регулированию метавселенных с акцентом на вопросы юрисдикции и защиты интеллектуальной собственности. Проанализированы законодательство Республики Узбекистан и международный опыт (Европейский союз, Соединённые Штаты Америки, Китай, Россия). На основе сравнительно-правового анализа выявлены существенные пробелы: неопределённость правового статуса виртуальных объектов и цифровых активов, сложности определения компетентной юрисдикции при трансграничных виртуальных взаимодействиях, а также ограниченная эффективность традиционных механизмов защиты интеллектуальной собственности применительно к цифровым артефактам. Установлено, что проблемы правоприменения усугубляются спецификой виртуальных миров – их глобальным характером, децентрализацией и анонимностью участников, что приводит к противоречию между территориальным принципом действия национального права и экстерриториальной природой метавселенных. Предложены конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства Узбекистана: введение базовых правовых понятий и концепций, необходимых для эффективного регулирования метавселенных; адаптация норм международного частного права к особенностям виртуальных пространств; модернизация инструментов охраны интеллектуальной собственности в цифровой среде; обеспечение надлежащего уровня кибербезопасности. Также рассмотрены перспективы развития механизмов саморегулирования и альтернативного разрешения споров. Результаты исследования подчёркивают необходимость эволюции правовой системы в ответ на технологические вызовы цифровой эпохи при сохранении фундаментальных принципов права и международных стандартов защиты прав человека в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: метавселенная, виртуальные миры, юрисдикция, интеллектуальная собственность, авторское право, товарные знаки, цифровые активы, NFT, киберправо, кибербезопасность, персональные данные, виртуальное имущество, законодательство Узбекистана, международное частное право

METAOLAMLARNI HUQUQIY TARTIBGA SOLISH: VIRTUAL DUNYODA YURISDIKSIYA VA INTELLEKTUAL MULKNI HIMOYA QILISH MASALALARI

Saidov Bobur Baxromjonovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Kiber huquq kafedrası o'qituvchisi

Annotatsiya. Tadqiqot metaolamlar (metaverse)ni huquqiy tartibga solish masalalariga bag'ishlangan bo'lib, yurisdiksiya va intellektual mulk huquqlarini himoya qilish masalalariga alohida e'tibor qaratilgan. Maqolada O'zbekiston Respublikasi qonunchiligi hamda xalqaro (Yevropa Ittifoqi, AQSh, Xitoy, Rossiya) tajriba tahlil qilingan. Qiyosiy-huquqiy tahlil asosida muhim bo'shliqlar: virtual obyektlar va raqamli aktivlarning huquqiy maqomi noaniqligi, transchegaraviy virtual aloqalarda vakolatli yurisdiksiyani aniqlashning qiyinligi, raqamli artefaktlarga nisbatan intellektual mulkni himoya qilishning an'anaviy mexanizmlari samaradorligi cheklangani aniqlandi. Huquqni qo'llashdagi muammolar virtual dunyolarning o'ziga xos xususiyatlari – ularning global tabiati, ishtirokchilarning nomarkazlashuvi (detsentralizatsiya) va anonimligidan kelib chiqadi, bu esa milliy huquqning hududiy tamoyili va metaolamlarning ekstrritorial tabiati o'rtasidagi ziddiyatga olib boradi. Maqolada metaolamlarni samarali tartibga solish uchun asosiy huquqiy tushunchalar va konsepsiyalarni joriy etish, xalqaro xususiy huquq normalarini virtual makonga moslash, raqamli muhitda intellektual mulkni himoya qilish vositalarini modernizatsiya qilish va kiberxavfsizlikning tegishli darajasini ta'minlash kabi O'zbekiston qonunchiligini takomillashtirish bo'yicha aniq tavsiyalar taklif etildi. Shuningdek, o'zini o'zi tartibga solish va nizolarni muqobil hal etish mexanizmlarini rivojlantirish istiqbollari ham ko'rib chiqildi. Tadqiqot natijalari huquqning asosiy tamoyillari va virtual makonda inson huquqlarini himoya qilishning xalqaro standartlarini saqlab qolgan holda raqamli davrning texnologik tahdidlariga javoban huquqiy tizim taraqqiyoti zarurligini ta'kidlaydi.

Kalit so'zlar: metaolam, virtual dunyolar, yurisdiksiya, intellektual mulk, mualliflik huquqi, tovar belgilari, raqamli aktivlar, NFT, kiber huquq, kiberxavfsizlik, shaxsiy ma'lumotlar, virtual mulk, O'zbekiston qonunchiligi, xalqaro xususiy huquq

LEGAL REGULATION OF METAVERSES: ISSUES OF JURISDICTION AND INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN VIRTUAL WORLDS

Saidov Bobur Bakhromjonovich,
Lecturer of the Department of Cyber Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. The study is devoted to the legal regulation of metaverses, with a focus on issues of jurisdiction and intellectual property protection. The legislation of the Republic of Uzbekistan and international experiences (European Union, United States of America, China, Russia) are analyzed. Based on a comparative legal analysis, significant gaps have been identified: the uncertainty surrounding the legal status of virtual objects and digital assets, challenges in determining competent jurisdiction for cross-border virtual interactions, and the limited effectiveness of traditional intellectual property protection mechanisms when applied to digital artifacts. It has been established that enforcement challenges are exacerbated by the specific nature of virtual worlds—their global character, decentralization, and participant anonymity—which creates a conflict between the territorial principle of national law and the extraterritorial nature of metaverses. Specific recommendations are proposed to improve Uzbekistan's legislation: the introduction of fundamental legal concepts and frameworks necessary for effective metaverse regulation; adaptation of international private law norms to the peculiarities of virtual spaces; modernization of intellectual property protection tools in the digital environment; and ensuring an adequate level of cybersecurity. Additionally, the prospects for developing

self-regulation mechanisms and alternative dispute resolution are explored. The study's findings underscore the need for the evolution of the legal system in response to the technological challenges of the digital era while preserving fundamental legal principles and international human rights standards in virtual spaces.

Keywords: *metaverse, virtual worlds, jurisdiction, intellectual property, copyright, trademarks, digital assets, NFT, cyber law, cybersecurity, personal data, virtual property, Uzbekistan legislation, international private law*

Введение

Современное развитие технологий привело к появлению метавселенных – виртуальных миров, в которых пользователи могут взаимодействовать, создавать контент и заключать сделки, не покидая дома. Уже сейчас прогнозируется колоссальное экономическое значение метавселенных: по оценкам McKinsey, к 2030 году совокупная стоимость экономики метавселенной может достигнуть 5 трлн долларов США [1]. Государства и компании рассматривают метавселенные как следующий этап развития Интернета, способный трансформировать социальные отношения и бизнес-модели [2, с. 103]. Республика Узбекистан, стремящаяся к цифровой трансформации, также не остаётся в стороне от этих глобальных процессов. Однако правовые системы пока не успевают за технологическими инновациями.

Возникают принципиальные вопросы: какое государство вправе осуществлять юрисдикционное регулирование событий в виртуальном мире, как обеспечить охрану интеллектуальной собственности (далее – ИС) в отношении цифровых объектов – от аватаров и виртуальной недвижимости до NFT и брендов в метавселенных? Эти проблемы актуальны и для Узбекистана, чьё законодательство пока не содержит прямого понятия «метавселенная», но уже сталкивается с вызовами цифровой эпохи [3, с. 275].

Цель и задачи исследования. Целью работы является анализ правового регулирования метавселенных с акцентом на вопросы юрисдикции и защиты интеллекту-

альной собственности, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства Узбекистана.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) изучить действующие нормативно-правовые акты Республики Узбекистан, которые могут применяться к отношениям в виртуальных мирах; 2) исследовать научные подходы и международный опыт регулирования вопросов юрисдикции и охраны интеллектуальной собственности в метавселенных (на примере ЕС, США, Китая, России и других стран); 3) выявить пробелы и проблемы в текущем регулировании, а также оценить эффективность существующих механизмов защиты ИС в виртуальной среде; 4) разработать рекомендации по развитию национального законодательства с учётом обеспечения кибербезопасности и защиты персональных данных.

Обзор научных подходов. В научной литературе метавселенная рассматривается как новая юридическая плоскость, требующая адаптации традиционных правовых институтов. Большинство исследователей сходятся во мнении, что развитие метавселенных приведёт к трансформации юридических отношений и возникновению новых коллизий права [2, с. 107]. В настоящее время сформировались два основных подхода к регулированию:

- экстраполяция существующего права. Ряд авторов полагает, что нормы киберправа и международного частного права могут быть расширительно применены к виртуальным мирам. Предлагается рас-

смаатривать метавселенную как часть киберпространства, подчиняющегося общим принципам, в частности территориальной юрисдикции и действующему законодательству об интеллектуальной собственности;

- необходимость создания особого «метаправа». Другие исследователи указывают, что уникальность метавселенных (децентрализация, трансграничность, участие искусственного интеллекта) затрудняет применение существующих норм. Появился даже термин «метаправо» (по аналогии с концепцией «метаправа» в космическом праве) как идея создания специальных наднациональных правил для виртуальных пространств. Однако следует отметить, что изначально этот термин относился к космическому праву и применительно к метавселенной используется скорее в метафорическом смысле. В реальности ни одно государство пока не приняло отдельный «закон о метавселенных», а регулирование по-прежнему остаётся фрагментарным [4, с. 83].

Важную роль в регулировании виртуальных пространств играют корпоративные политики и пользовательские соглашения. Крупнейшие платформы (Meta, Roblox и другие) устанавливают собственные «правила сообщества» и условия использования, фактически создавая частные системы регулирования. Однако такие правила не заменяют государственное право и нередко становятся предметом споров о применимом праве и юрисдикции при разрешении конфликтов.

Ключевыми проблемами, поднимаемыми в научной литературе, являются: определение компетентной юрисдикции для виртуальных событий; применение принципов международного частного права в киберпространстве; защита авторских прав и товарных знаков на цифровые объекты; установление правового режима виртуальных цифровых активов (напри-

мер, NFT); а также вопросы ответственности за правонарушения в метавселенной, включая уголовно наказуемые деяния, совершённые в виртуальной среде. Отдельно исследуются вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных, поскольку метавселенные аккумулируют огромные объёмы информации о пользователях, включая данные о движениях, биометрических характеристиках и иных аспектах цифровой идентичности. В свете этих вызовов необходимость комплексного исследования правового регулирования метавселенных становится очевидной.

Материалы и методы

Законодательная база и источники. В качестве материалов исследования были проанализированы нормативно-правовые акты Республики Узбекистан, прямо или косвенно относящиеся к регулированию цифровой среды и защите интеллектуальной собственности. В частности, использованы: Конституция Республики Узбекистан, Гражданский кодекс Республики Узбекистан, Законы Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» от 20 июля 2006 года № ЗРУ-42, «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 30 августа 2001 года № 267-II, «О персональных данных» от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547, «О кибербезопасности» от 15 апреля 2022 года № ЗРУ-764 и иные нормативно-правовые акты в сфере информационных технологий, защиты данных и электронных услуг. Дополнительно изучены международные договоры, участником которых является Республика Узбекистан, в том числе Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, договоры Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и другие документы, транслирующие международные стандарты защиты интеллектуальной собственности.

Эмпирической базой исследования стали публикации отечественных юристов в открытых источниках, включая статьи в журналах «Общество и инновации», «Oriens», «Uzbek Journal of Law and Digital Policy» и других, доступные через библиотеку Ташкентского государственного юридического университета [3; 5], а также научные работы, индексируемые в базах данных Web of Science и Scopus, посвящённые международному опыту правового регулирования метавселенных [2; 6].

Методы исследования. Исследование выполнено на основе системного подхода: метавселенная рассмотрена как сложное междисциплинарное явление, затрагивающее различные отрасли права. Применены общенаучные методы анализа и синтеза, позволившие декомпозировать проблему на ключевые аспекты (юрисдикция, интеллектуальная собственность, данные, безопасность) с последующим обобщением полученных выводов. Использован логико-юридический анализ норм законодательства Республики Узбекистан с целью выявления положений, применимых к регулированию отношений в виртуальных мирах, а также обнаружения существующих пробелов. Ключевым методом исследования стал сравнительно-правовой анализ: проведено сопоставление подходов различных правовых систем (Узбекистана и зарубежных стран) к решению проблем, возникающих в метавселенной. В рамках сравнительно-правового анализа изучены как законодательные акты (например, нормативные документы ЕС, США, Китая, России, регулирующие цифровую сферу), так и судебная практика и доктринальные источники, относящиеся к соответствующим юрисдикциям. Применён формально-юридический метод для интерпретации правовых норм применительно к виртуальным объектам, в частности, анализировалась применимость понятий «вещь», «имущество», «произведение» к цифро-

вым объектам в контексте метавселенных. Также привлекался историко-правовой метод: кратко рассмотрена эволюция правовых подходов к виртуальным мирам – от первых правовых споров, связанных с онлайн-играми, до современных дискуссий о правовом статусе метавселенных.

Использование указанных методов позволило всесторонне исследовать поставленные вопросы. Надёжность выводов обеспечена опорой на официальные тексты законодательства, доступные через национальную базу данных Lex.uz, а также на авторитетные научные публикации. Применение методологического аппарата основывается на необходимости комплексного изучения многослойного явления (метавселенной) с использованием как догматического анализа правовых норм, так и сравнительного исследования лучших зарубежных практик.

Результаты исследования

1. Нормативно-правовые акты Республики Узбекистан, применимые к метавселенным. На момент подготовки исследования в законодательстве Республики Узбекистан отсутствует специальный нормативный акт, который бы прямо регулировал метавселенные или содержал их легальное определение [3, с. 278]. Тем не менее ряд действующих нормативно-правовых актов уже способен частично охватывать отношения, возникающие в виртуальных мирах:

Конституция и основы частного права. Конституция Республики Узбекистан закрепляет принципы неприкосновенности собственности и свободы творчества, которые в общем виде распространяются и на цифровую деятельность. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (редакция 1996 года с последующими изменениями) устанавливает основу правоспособности граждан и юридических лиц, заключения сделок и защиты прав, применимых в том числе и в онлайн-сре-

де. Хотя Гражданский кодекс не оперирует понятием «виртуальное имущество», его положения о собственности и обязательствах могут быть применены к цифровым объектам посредством аналогии закона. Например, статья 81 Гражданского кодекса определяет объекты гражданских прав (вещи, деньги, результаты интеллектуальной деятельности и другие категории), что позволяет рассматривать цифровые артефакты метавселенной (учётные записи, игровые ценности, NFT-токены) либо как результаты интеллектуальной деятельности, либо как имущество, допускаемое в оборот. При этом прямого признания «цифровых прав» (аналогичных предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации) национальное законодательство пока не содержит, что создаёт правовую неопределённость в отношении активов метавселенной.

Законодательство об интеллектуальной собственности. Узбекистан обладает развитой системой регулирования в области ИС, основанной на международных стандартах. Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» обеспечивает охрану произведений науки, литературы и искусства независимо от формы и способа их выражения. Это означает, что контент, создаваемый пользователями в метавселенных (тексты, изображения, 3D-модели, музыкальные композиции, дизайн аватаров и виртуальных предметов и прочее), подпадает под защиту авторского права при соблюдении критерия оригинальности. Закон предоставляет авторам имущественные права (включая право воспроизведения, распространения, публичного отображения) и личные неимущественные права.

Аналогичным образом Закон Республики Узбекистан «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» предусматривает

правовую охрану зарегистрированных товарных знаков. Хотя данный закон не упоминает виртуальные товары напрямую, правовая защита зарегистрированного бренда распространяется на все сферы коммерческого оборота, включая цифровую среду. Например, если местная компания владеет зарегистрированным товарным знаком, она вправе пресекать несанкционированное использование данного знака в виртуальных магазинах или на платформах метавселенных, при условии применения национальной юрисдикции.

Кроме того, нормы о патентных правах (изобретения, промышленные образцы) также потенциально применимы к виртуальным объектам: трёхмерные модели или технические решения, реализованные в среде виртуальной реальности, могут быть защищены патентами или промышленными образцами при соблюдении установленных критериев охраноспособности. Незаконное воспроизведение таких объектов в виртуальной среде будет квалифицироваться как нарушение прав патентообладателя.

Законодательство Республики Узбекистан о электронных сделках и электронной коммерции. Несмотря на отсутствие специального закона о виртуальных активах, смежные нормативные акты Республики Узбекистан регулируют отдельные аспекты деятельности в виртуальных мирах. Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции» устанавливает правовые условия заключения сделок в электронном виде. Сделки купли-продажи виртуальных товаров, таких как игровая валюта, NFT или платные услуги в метавселенной, формально являются электронными сделками, к которым применимы положения указанного закона, а также общие нормы договорного права, закреплённые в Гражданском кодексе. Закон Республики Узбекистан «Об электронном документе и электронной цифровой под-

писи» (2004 года, в редакции 2011 года) определяет юридическую силу электронных документов, что имеет значение для признания договоров, заключённых полностью внутри виртуальных платформ, при наличии зафиксированного электронного соглашения между аватарами, идентифицируемыми через аккаунты.

Правовое регулирование персональных данных. Метавселенные предполагают массовый сбор и обработку персональных данных пользователей – от информации об аватарах и поведенческих характеристиках до биометрических данных, собираемых устройствами виртуальной реальности. Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» распространяется на все операции с персональными данными граждан. Он устанавливает требования к получению согласия субъекта данных, обеспечению безопасности их хранения и условиям трансграничной передачи данных (разрешённой лишь в те государства, обеспечивающие эквивалентную защиту). Таким образом, деятельность международных компаний, предоставляющих VR-услуги пользователям из Узбекистана (например, Meta Platforms), подпадает под действие этого закона в части обработки персональных данных граждан Узбекистана. Теоретически оператор метавселенной обязан соблюдать требования по защите данных, включая запрет на передачу персональных данных без согласия и обязанность обеспечения их конфиденциальности. На практике контроль исполнения этих норм затруднён в случае отсутствия юридического представительства компании в Узбекистане. В то же время поправки, внесённые в законодательство в 2022–2023 годах, ужесточили ответственность за нарушения в сфере персональных данных, предусматривая возможность блокировки сервисов, не выполняющих требования локализации данных (аналогично практике ряда зарубежных стран).

Кибербезопасность. Закон Республики Узбекистан «О кибербезопасности» закрепит базовые принципы обеспечения безопасности в киберпространстве. Хотя основное внимание закона уделено защите критической информационной инфраструктуры, его нормы релевантны и для виртуальных платформ. Так, статья 6 закона провозглашает приоритет защиты интересов личности, общества и государства в киберпространстве, а статья 9 акцентирует открытость Узбекистана к международному сотрудничеству в области кибербезопасности. В контексте метавселенных это означает признание государством важности создания механизмов международной координации для борьбы с киберугрозами, возникающими в виртуальных мирах: мошенничеством с криптоактивами, кражей виртуальной собственности, кибератаками на серверы платформ и иными инцидентами. Закон «О кибербезопасности» может служить основой для разработки требований к операторам метавселенных по защите систем от взломов и реагированию на утечки данных.

Иные нормы. Виртуальные пространства также подпадают под действие ряда других нормативных актов: Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» регулирует ответственность за распространение запрещённой информации в Интернете, что применимо и к контенту метавселенных (например, экстремистского, порнографического характера); Закон Республики Узбекистан «О принципах и гарантиях свободы информации» определяет пределы свободы выражения, балансируя их с защитой чести, достоинства и репутации, что имеет значение для оценки допустимости контента в виртуальной среде; Уголовный кодекс Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности содержат нормы о правона-

рушениях в цифровой сфере, применимые также к действиям в метавселенных, включая неправомерный доступ к компьютерной информации, нарушения авторских и смежных прав, мошенничество, распространение запрещённых материалов.

Следует отметить, что правоприменение в случае нарушений, совершённых в метавселенных, осложняется проблемами установления юрисдикции и идентификации правонарушителей.

Таким образом, на сегодняшний день национальное законодательство не содержит специального регулирования метавселенных. Вместе с тем базовый правовой инструментарий – гражданско-правовые нормы, законодательство об интеллектуальной собственности, регулирование в сфере персональных данных, кибербезопасности и электронных сделок – формирует основу, на которую могут быть отнесены отношения, возникающие в виртуальных мирах. Однако сохраняется ряд неопределённостей, в частности: отсутствие чёткого определения статуса виртуальных объектов как имущества; нерегулируемость правового режима криптоактивов и NFT (которые в настоящее время регулируются лишь актами Агентства перспективных проектов и находятся вне традиционной правовой системы); процессуальные вопросы, такие как подсудность споров, особенности признания цифровых доказательств.

2. Международные опыт регулирования юрисдикции и защиты интеллектуальной собственности в метавселенных

Европейский союз. В ЕС пока отсутствует отдельный нормативный акт, посвящённый регулированию метавселенных. Вместе с тем действует обширная система цифрового регулирования, распространяющаяся и на виртуальные миры. В 2023 году Европейская комиссия представила стратегию развития Web 4.0

и виртуальных миров, подчёркивая необходимость обеспечения в них прав пользователей, безопасности и соблюдения фундаментальных ценностей ЕС [7]. Термин «метавселенная» напрямую не используется (предпочтение отдаётся понятию «виртуальные миры»), однако фактически речь идёт об одном и том же явлении.

Ключевые положения стратегии ЕС включают: поддержание открытости и конкуренции в виртуальных пространствах, предотвращение их монополизации отдельными корпорациями; обеспечение безопасности пользователей и защита их персональных данных; развитие интероперабельных стандартов для виртуальных миров.

На законодательном уровне особое значение имеют недавно вступившие в силу акты:

- Регламент ЕС 2022/2065 «О цифровых услугах» (Digital Services Act, DSA), который устанавливает обязанности крупных онлайн-платформ по модерации контента, обеспечению прозрачности алгоритмов и защите основных прав пользователей. Крупная метавселенная (например, будущая платформа Meta или Microsoft с миллионами пользователей из ЕС) будет квалифицироваться как очень крупная онлайн-платформа (Very Large Online Platform, VLOP) и обязана: осуществлять проактивное удаление противоправного контента; оценивать риски для общества; проходить независимые аудиты [6; 8, с. 778]. Это имеет важное значение для защиты интеллектуальной собственности, например, в части предотвращения распространения пиратских копий 3D-моделей или фильмов в виртуальных кинотеатрах;

- Регламент ЕС 2022/1925 «О цифровых рынках» (Digital Markets Act, DMA) направлен на предотвращение злоупотреблений со стороны «воротных» компаний (gatekeepers). Например, если технологи-

ческий гигант попытается ограничить доступ конкурентов к своему виртуальному миру, это может быть расценено как нарушение конкуренции.

Кроме того, в ЕС действует Общий регламент по защите данных (GDPR) – один из самых строгих законов о защите персональных данных, обладающий экстерриториальным эффектом. Любая платформа метавселенной, обрабатывающая данные граждан ЕС, обязана соблюдать требования GDPR, включая: обязательность получения явного согласия на обработку биометрических данных VR-устройств; предоставление пользователям права на удаление своих данных и иные права субъекта данных.

В области интеллектуальной собственности действует развитое законодательство, включая Директиву (ЕС) 2019/790 о цифровом авторском праве и Регламент (ЕС) 2017/1001 о товарных знаках Европейского союза.

Эти акты являются технологически нейтральными и обеспечивают защиту прав независимо от среды их использования, включая виртуальные миры. Однако правоприменение в метавселенных остаётся вызовом, в частности в части идентификации нарушителей, скрывающихся за аватарами. В ЕС обсуждается усиление механизмов онлайн-правоприменения в сфере ИС, включая внедрение фильтров загрузки контента и расширение ответственности провайдеров платформ.

В целом европейский подход характеризуется стремлением интегрировать метавселенные в существующую нормативно-правовую рамку цифровой экономики, внося при необходимости точечные коррективы, а не создавая отдельное регулирование метавселенных.

Соединённые Штаты Америки. Правовая система США также не располагает специальным законом, регулирующим метавселенные. Вместе с тем прецедентный

характер американского права позволяет через судебные дела очертить основные тенденции регулирования.

Вопросы юрисдикции в киберпространстве американские суды решают уже давно, применяя доктрину «минимальных контактов» (*minimum contacts*). Согласно этой доктрине, для привлечения ответчика к юрисдикции конкретного штата необходимо наличие минимально достаточных связей между его действиями и данным штатом. Если действия, совершённые в метавселенной, причинили вред лицу, находящемуся на территории конкретного штата, суды, как правило, признают наличие юрисдикции этого штата (аналогично практике по интернет-делам).

Ещё в начале 2000-х годов в США рассматривались дела о мошенничестве и кражах в онлайн-играх, связанных с виртуальным имуществом, при этом суды применяли традиционные нормы уголовного и гражданского права к виртуальным взаимодействиям. Значительным прецедентом в 2023 году стал судебный процесс *Hermès Int'l v. Rothschild*, рассмотренный в Нью-Йорке. Суд признал, что продажа художником Мэттью Ротшильдом NFT-изображений MetaBirkins, имитирующих сумки известного бренда Hermès Birkin, нарушила права на товарный знак Hermès [9, с. 18]. Решение суда подтвердило, что защита товарных знаков распространяется и на виртуальное пространство: создание и распространение NFT с использованием чужого бренда без разрешения является незаконным. Этот случай стал одним из первых значимых судебных актов, формирующих практику применения законодательства о товарных знаках в метавселенных.

Ещё одним значимым прецедентом в области авторского права стало дело *Warner Bros. v. Cartoon Network* (2022 год), связанное с платформой Roblox. Пользователи создали в метавселенной темати-

ческий парк, воспроизводящий образы из вселенной Гарри Поттера, что вызвало претензии со стороны правообладателей. Иски были предъявлены как к непосредственным нарушителям, так и к платформе-оператору. Дело было урегулировано в досудебном порядке, однако оно породило активную дискуссию о степени ответственности платформ за размещённый пользователями контент.

В американском праве действует специальный режим «безопасной гавани» (*safe harbor*), установленный разделом 512(c) Закона о защите авторских прав в цифровую эпоху (DMCA). Согласно этому режиму, интернет-платформа освобождается от ответственности за контент пользователей при условии оперативного реагирования на уведомления о нарушениях авторских прав (процедура *notice-and-takedown*). Предполагается, что аналогичный подход будет применяться и к платформам метавселенных: операторы должны создавать и поддерживать эффективные механизмы удаления контента, нарушающего права интеллектуальной собственности, например в случае размещения пользователем 3D-модели, копирующей защищённый авторским правом дизайн.

В целом регулирование метавселенных в США строится на адаптации существующего законодательства (об авторском праве, товарных знаках, патентах, о коммуникациях и защите потребителей). Существенный акцент делается на судебных прецедентах и рыночном саморегулировании. В индустрии появляются добровольные кодексы поведения. Например, профессиональные ассоциации разработчиков VR договорились о стандартах безопасности, защиты конфиденциальности и этического взаимодействия в виртуальной среде. Государственные органы США также проявляют интерес к регулированию метавселенных в аспектах нацио-

нальной безопасности и экономики. Так, Министерство внутренней безопасности США исследует риски экстремизма и радикализации через платформы виртуальной реальности, Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) анализирует оборот виртуальных активов (NFT, криптотокены), применяя тесты для определения их статуса как инвестиционных инструментов и необходимости их регулирования в рамках законодательства о ценных бумагах. Но, в отличие от ЕС, где государственное вмешательство приобретает более активный характер, в США подход остаётся минималистским: регулирование осуществляется преимущественно через адаптацию существующих норм и развитие судебной практики.

Китай. В Китае подход к регулированию метавселенных формируется под сильным влиянием государственной политики, сочетающей активное технологическое развитие с жёстким контролем за цифровым пространством. С одной стороны, Китай активно развивает технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), а также блокчейн. Были запущены крупные государственные инициативы по развитию индустрии метавселенных в ряде провинций. В 2022 году в Шанхае был представлен стратегический план превратить город в один из мировых центров метавселенной к 2025 году. Инвестиции направлены на создание инфраструктуры, поддержку стартапов в области VR, цифрового контента и блокчейн-решений. С другой стороны, правительство КНР стремится сохранить строгий контроль над любым киберпространством, включая виртуальные миры.

Термин «метавселенная» китайские регуляторы используют с осторожностью, акцентируя внимание на предупреждении финансовых и социальных рисков. В конце 2021 – начале 2022 годов китайские регуляторы выпустили ряд предупрежде-

ний о недопустимости «финансовых махинаций под видом метавселенной», усилили надзор за связанными проектами и установили новые ограничения: запрещено продавать виртуальную недвижимость без получения специальной лицензии; ограничено рекламирование продуктов и услуг, связанных с метавселенной; введён строгий мониторинг деятельности в виртуальных пространствах. В 2022 году Китай распространил существующие строгие ограничения на криптовалюты и на невзаимозаменяемые токены (NFT). Хотя NFT как таковые не запрещены, они не могут использоваться в качестве платёжных средств или криптовалют; могут рассматриваться лишь как коллекционные цифровые активы; подлежат строгому контролю, включая обязательную идентификацию владельцев по их реальным именам и регистрационные требования [10, с. 138].

Иначе говоря, Китай стремится избежать формирования неконтролируемой экономики в метавселенной. В сентябре 2023 года Министерство промышленности и информационных технологий КНР (МИИТ) объявило о создании рабочей группы по разработке стандартов для метавселенной [11]. В проектных документах МИИТ подчёркивается, что отсутствие чёткого определения понятия «метавселенная» приводит к спекуляциям и правовой неопределённости. В этой связи подчёркивается необходимость установления единых стандартов для «здорового и упорядоченного развития отрасли» [11].

Этот шаг свидетельствует о стремлении Китая регламентировать как терминологические, так и технические аспекты развития виртуальных миров, что традиционно в китайской правовой системе предшествует более детальному регулированию отрасли. Вероятно, Китай пойдёт по пути регулирования контента и доступа в метавселенных, аналогично су-

ществующему контролю за Интернетом: китайские метавселенные будут интегрированы в «Великий файрвол», отделяющий национальное киберпространство от глобального Интернета; будет введена обязательная идентификация пользователей для предотвращения анонимности; встроенная цензура будет предотвращать распространение политически чувствительного контента; могут быть введены ограничения на использование метавселенных несовершеннолетними, по аналогии с действующими лимитами времени на онлайн-игры.

В области ИС Китай применяет действующие законы об авторском праве и товарных знаках, гармонизированные с требованиями Соглашения ТРИПС (TRIPS). Китайские суды уже начали рассматривать дела, связанные с правовым статусом NFT и виртуальных объектов. Известен случай, когда суд квалифицировал NFT как коллекцию цифрового искусства, к которой применяются положения закона об электронной коммерции. Государство активно стимулирует регистрацию товарных знаков, связанных с метавселенной: китайские компании подали десятки тысяч заявок на VR-бренды. При этом власти предпринимают меры по отсеиванию недобросовестных заявок, например попыток зарегистрировать мировые бренды на китайском языке для виртуальных товаров без соответствующих прав.

В 2023 году Китай начал разработку этических и нормативных кодексов в области искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Планируется введение законодательных норм об ответственности провайдеров VR-платформ за психологическое состояние пользователей, включая меры по предотвращению VR-аддикции и защиты от виртуального насилия.

Китайский опыт в сфере метавселенных демонстрирует сочетание активного

стимулирования технологических инноваций с превентивным государственным контролем, направленным на то, чтобы развитие виртуальных миров соответствовало политическим, экономическим и социальным приоритетам страны.

Россия. Акта о метавселенной в России пока не принято, но в научном сообществе и органах государственной власти эта тема активно обсуждается. В 2022–2023 годах появились парламентские запросы о необходимости анализа правовых аспектов метавселенных. Российские учёные отмечают, что развитие метавселенных повлияет на многие институты права и призывают к проактивному формированию правовых подходов [2, с. 112]. В частности, предлагается: закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации понятие «цифрового аватара» как объекта гражданских прав; рассмотреть виртуальные ценности (предметы, валюту) как цифровое имущество с установлением соответствующего правового режима; урегулировать вопросы наследования цифровых активов.

Россия уже внесла изменения в своё законодательство о цифровых правах: с 2021 года в Гражданский кодекс Российской Федерации введена статья о цифровых правах, позволяющая признавать токены и утилитарные цифровые права объектом гражданского оборота. На уровне подзаконных актов Банк России и Росфинмониторинг предпринимают попытки регулирования NFT и криптоактивов, хотя прямого закона об этих цифровых активах пока нет.

Что касается вопросов юрисдикции, российские суды традиционно склонны рассматривать киберспоры по аналогии с обычными гражданско-правовыми делами. Например, в одном из дел 2010-х годов суд признал сделку по продаже виртуальных «ценностей» из онлайн-игры недействительной как притворную, применив нормы гражданского законодательства.

В области ИС российское законодательство предусматривает привлечение к ответственности за нарушение авторских и смежных прав в Интернете, включая меры по блокировке сайтов, наложению штрафов и возбуждению уголовных дел в случае причинения крупного ущерба. Эти же инструменты планируется применять и в отношении метавселенных. В 2023 году Роскомнадзор, осуществляющий надзор за соблюдением законодательства в сфере связи и информационных технологий, заявил о намерении отслеживать и пресекать распространение пиратского контента в VR-пространствах по аналогии с практикой блокировки веб-сайтов.

Особый акцент в России делается на обеспечении «цифрового суверенитета», подразумевающего развитие отечественных платформ метавселенных и достижение технологической импортонезависимости. После ухода компании Meta с российского рынка и блокировки её сервисов, российские IT-компании, в том числе «Сбер», начали разработку собственных прототипов метавселенных, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации. Можно ожидать, что в ближайшем будущем российское законодательство введёт специальные определения и, возможно, экспериментальные правовые режимы для виртуальных пространств, аналогичные действующим «регуляторным песочницам» для цифровых инноваций.

В научных публикациях подчёркивается, что для эффективного регулирования метавселенных потребуется согласование норм различных отраслей права – от гражданского и финансового до уголовного. В частности, обсуждается необходимость введения новых составов правонарушений и преступлений, совершаемых против личности посредством воздействия в виртуальной реальности).

Другие страны. В ряде юрисдикций предпринимаются локальные инициати-

вы в сфере регулирования метавселенных. Например, в Южной Корее правительство создало специальный комитет по политике метавселенной и активно инвестирует в развитие открытых виртуальных миров. Параллельно ведётся работа над правовыми аспектами, в частности в области защиты прав потребителей и охраны интеллектуальной собственности. В Объединённых Арабских Эмиратах (Дубай) была принята стратегия по развитию метавселенной, предусматривающая создание 40 тысяч виртуальных рабочих мест и развитие необходимой инфраструктуры. Дубай также известен своим прогрессивным регулированием криптоактивов, что облегчает правовой оборот NFT и цифровых ценностей в рамках метавселенных.

Международные организации. Международные организации также обратили внимание на вопросы регулирования метавселенных. В 2022 году Интерпол запустил собственный «метавселенский» проект, предназначенный для проведения тренингов в виртуальной среде, одновременно начав изучение вопросов расследования преступлений в VR. Отмечается, что основными проблемами остаются сложность установления юрисдикции и атрибуции правонарушителей в условиях децентрализованных метавселенных [12].

Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) публикует аналитические материалы, посвящённые вопросам охраны товарных знаков и авторского права в метавселенной [6], способствуя обмену опытом между странами и стимулируя развитие подходов к защите интеллектуальной собственности в виртуальной среде.

Пока на уровне международного публичного права специальных соглашений, регулирующих метавселенные, не принято. Однако звучат предложения разработать многосторонний договор о юрис-

дикции в киберпространстве или внести соответствующие поправки в действующие конвенции. В частности, обсуждается возможность дополнения Гаагской конвенции о соглашениях о выборе суда положениями, учитывающими особенности виртуальных споров [4, с. 91]. Также поднимается вопрос о роли международного арбитража: поскольку споры, возникающие в метавселенных, носят, как правило, трансграничный характер, более эффективным может быть их разрешение посредством арбитража или медиации по согласованию сторон. Многие крупные платформы уже включают в свои пользовательские соглашения арбитражные оговорки для урегулирования потенциальных споров с пользователями.

В целом международный опыт показывает, что на текущем этапе государства в основном опираются на действующие правовые механизмы, адаптируя их к новым реалиям. Вместе с тем осознание особенностей метавселенных – их глобального характера, децентрализации и смешения виртуального пространства с реальной жизнью – подталкивает к необходимости поиска новых юридических решений. Особенно остро в этом контексте встают проблемы эффективности защиты интеллектуальной собственности и определения юрисдикции в виртуальной среде, что будет рассмотрено далее.

3. Механизмы защиты интеллектуальной собственности в виртуальных мирах и их эффективность

ИС – одна из сфер, наиболее затронутых процессами проникновения в виртуальную реальность. Рассмотрим действующие механизмы защиты и возникающие в этой связи сложности.

Авторское право (*copyright*). Законы об авторском праве формально распространяются на виртуальные произведения. Так, Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах»

охраняет программы для электронно-вычислительных машин (ЭВМ), базы данных, аудиовизуальные произведения. Следовательно, элементы метавселенной, такие как код игры, дизайн виртуального мира, музыкальное сопровождение и графические объекты, являются охраняемыми объектами авторского права. При создании уникального контента пользователем авторские права обычно возникают автоматически в силу факта создания произведения, если иное не предусмотрено пользовательским соглашением с платформой (например, передачей прав на контент в пользу оператора метавселенной).

Защита авторских прав в виртуальных мирах осуществляется посредством: предупреждения нарушений, в том числе путём размещения уведомлений о праве (знака ©) и применения технических средств защиты контента; судебного преследования нарушителей, включая подачу исков о запрете использования произведений и взыскании компенсации за незаконное использование.

Сложностью защиты авторских прав в метавселенной являются масштаб и анонимность нарушений. Пользователь может легко скопировать 3D-модель или произведение искусства другого автора и разместить его в своём виртуальном пространстве. Согласно действующему законодательству, в том числе законодательству Республики Узбекистан, такие действия квалифицируются как нарушение авторских прав. Однако на практике выявить реальную личность нарушителя и определить юрисдикцию для подачи иска крайне затруднительно.

Как отмечает М.А. Турдиалиев, в настоящее время практически отсутствуют специальные законы, прямо применимые к регулированию отношений в метавселенной, что создаёт риски для функционирования отрасли и эффективной защиты прав [13, с. 301]. В этих условиях

правообладатели часто полагаются на добровольное сотрудничество платформ. Многие крупные платформы внедряют системы фильтрации контента по аналогии с системой YouTube Content ID, направленные на предотвращение загрузки материалов, уже известных как объекты авторского права. Например, может быть заблокирована попытка загрузить известную защищённую 3D-модель.

Однако новые творения невозможно заранее отследить. Поэтому основным механизмом защиты становится процедура уведомления о нарушении (нотификация): правообладатель, обнаруживший нарушение, направляет администрации платформы требование о немедленном удалении соответствующего контента. Большинство крупных VR-платформ стараются оперативно исполнять такие запросы во избежание юридических последствий и репутационных рисков.

Если внесудебные меры не приносят результата, правообладателю приходится обращаться в суд по месту нахождения платформы или предполагаемого нарушителя. Эффективность защиты авторских прав в виртуальной среде на данный момент остаётся относительно низкой: объём пользовательского контента в метавселенных огромен, его модерирование затруднено, а судебные разбирательства часто оказываются длительными и затратными. Тем не менее положительные примеры существуют. Так, в 2021 году в США художник сумел через суд добиться идентификации и привлечения к ответственности пользователей, которые в VR-игре продавали копии его арт-объектов. Суд обязал платформу раскрыть данные нарушителей на основании их IP-адресов. В будущем возможно развитие новых технологических механизмов защиты авторских прав, таких как внедрение специализированных «цифровых водяных знаков» для 3D-объ-

ектов и автоматический мониторинг контента, что может существенно повысить эффективность защиты ИС в метавселенных.

Товарные знаки и бренды. Бренды активно осваивают метавселенные, создавая виртуальные товары, такие как одежда для аватаров и цифровые коллекционные предметы. Одновременно с этим увеличивается количество случаев недобросовестного использования товарных знаков.

Механизмы защиты товарных знаков включают: регистрацию знаков в соответствующих классах Международной классификации товаров и услуг (МКТУ) (в 2022 году МКТУ была обновлена с добавлением терминов, касающихся виртуальных товаров и NFT); мониторинг нарушений и оперативную подачу претензий о прекращении незаконного использования товарных знаков. Например, бренды Prada и Gucci обнаружили попытки третьих лиц зарегистрировать их знаки в новых классах, связанных с виртуальными товарами, что квалифицируется как подача заявок в недобросовестных целях (*bad faith applications*) [6]. Как правило, таким заявкам отказывают в регистрации, но эффективная защита требует активности самих правообладателей. Если товарный знак используется непосредственно в виртуальной среде без разрешения (например, создан нелегальный магазин под брендом Nike, продающий цифровые кроссовки в метавселенной), правообладатель может направить нарушителю претензию о прекращении использования (*cease-and-desist letter*). В случае отказа исполнить требование возможно обращение в суд для защиты своих прав.

В ЕС и США уже заведены дела о нарушении прав на товарные знаки в виртуальной среде. Суды, как правило, склонны рассматривать виртуальные товары как расширение реальных товаров, что позво-

ляет признавать факт нарушения прав на товарный знак [9, с. 22; 6].

Возникает также уникальный правовой вопрос: исчерпание прав на виртуальный товар. Согласно традиционной доктрине исчерпания права, после первой продажи товара правообладатель товарного знака теряет право контролировать его последующую перепродажу. Однако в случае продажи виртуального товара (скина, NFT) возникает дилемма: что именно приобретает покупатель – полноценное право собственности или лишь лицензию на использование? Многие пользовательские соглашения прямо указывают, что виртуальные предметы предоставляются на условиях лицензии и остаются собственностью платформы. Это позволяет компаниям ограничивать перепродажу виртуальных товаров. Например, скины из игры *Fortnite* привязаны к аккаунту пользователя и не могут свободно отчуждаться.

По сути, подобная модель обходит классический принцип исчерпания права, позволяя бренду сохранять контроль над виртуальным товаром даже после его продажи [6]. Эта правовая неопределённость может стать источником будущих споров, поскольку покупатели вправе ожидать, что приобретают полноценное право собственности, в то время как правообладатели товарных знаков могут возражать против передачи предметов вне контролируемой платформы.

На сегодняшний день больше вопросов, чем ответов, и дальнейшее развитие правоприменительной практики будет зависеть от решений судов. В любом случае эксперты рекомендуют правообладателям активно защищать своё присутствие в виртуальных мирах: регистрировать товарные знаки для цифровых товаров, осуществлять мониторинг виртуальных рынков и внимательно продумывать условия пользовательских лицензий [6].

Патентное право и дизайн. Виртуальные технологии порождают инновации, которые могут быть защищены патентным правом, например, новые способы сжатия VR-графики, аппаратное обеспечение очков виртуальной реальности, алгоритмы функционирования метавселенных. Их защита осуществляется стандартно – через получение патентов. Нарушение патентных прав в виртуальной среде (например, использование запатентованного метода визуализации) преследуется на тех же основаниях, что и офлайн.

Промышленные образцы (дизайн) также могут регистрироваться: некоторые компании регистрируют внешний вид 3D-моделей, используемых в играх и виртуальных пространствах, в качестве промышленных образцов для предотвращения их копирования. Однако выявление подобных нарушений требует проведения технической экспертизы и часто выходит за рамки возможностей отдельного автора.

Технологические и договорные меры. Помимо правовых средств защиты, применяются технологические методы: шифрование данных, токенизация цифровых объектов (создание NFT в качестве свидетельства подлинности объекта). При этом NFT сам по себе не гарантирует авторских прав, а лишь служит маркером оригинала, привязанного к определённому цифровому активу.

Договорные механизмы защиты строятся через пользовательские соглашения. Как правило, в таких соглашениях прямо указывается, что пользователь не приобретает права собственности на объекты платформы, а получает лишь ограниченную лицензию на их использование. Такая конструкция защищает платформу от требований пользователей: например, при блокировке аккаунта предметы не подлежат возврату, поскольку де-юре пользователи владели не объектами, а правами

на ограниченное использование. Однако подобная практика вызывает критику. По мнению ряда исследователей, необходимо признание за пользователями квазисобственнических прав на виртуальные объекты, иначе у них не будет эффективной защиты от произвольных действий платформ.

Эффективность существующих механизмов. В целом механизмы защиты интеллектуальной собственности, разработанные для традиционного Интернета, формально применимы и в метавселенных, однако их эффективность остаётся ограниченной из-за особенностей виртуальной среды. Правообладатели вынуждены действовать реактивно – реагировать на уже совершённые нарушения, затрачивая значительные ресурсы на мониторинг многочисленных новых площадок. Национальные режимы защиты интеллектуальной собственности различаются по уровню эффективности, что позволяет правонарушителям укрываться в юрисдикциях со слабым правоприменением. Например, если сервер виртуальной платформы размещён в стране с низким уровнем защиты авторских прав, удаление пиратского контента оказывается затруднённым. Международные договоры, такие как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и Мадридская система международной регистрации товарных знаков, обеспечивают минимальную унификацию стандартов, но не решают процессуальных проблем, связанных с юрисдикцией и исполнением решений.

Тем не менее судебная практика постепенно формируется. По мере роста экономики метавселенных ожидается увеличение количества громких процессов, способных создать важные прецеденты. Относительно новых явлений, таких как NFT, складывается тенденция к применению традиционных правовых подходов:

NFT рассматриваются судами не как особый самостоятельный объект права, а как цифровое свидетельство об объекте, что приводит к разрешению споров либо в плоскости авторского права на само произведение (изображение, музыку), либо в рамках договорных обязательств (мошенничество, исполнение условий продажи).

Анализ результатов исследования

1. Проблемы и пробелы регулирования метавселенных в Узбекистане

Проведённый анализ национального законодательства выявил несколько ключевых проблем:

Отсутствие легального определения и статуса виртуальных объектов. В законодательстве Республики Узбекистан отсутствуют понятия «виртуальный (цифровой) актив», «аватар», «метавселенная». Это затрудняет квалификацию юридических фактов. Например, если происходит кража виртуального артефакта (например, аккаунта с ценностями), возникает сложность в квалификации такого деяния по Уголовному кодексу как хищения имущества, поскольку неясно, считается ли виртуальный предмет имуществом в правовом смысле. Аналогичная неопределённость касается прав пользователей на результаты их творчества внутри платформ: виртуальные постройки, дизайн объектов и иные элементы могут подпадать под действие общего авторского права, но при этом права пользователей часто ограничены условиями пользовательских соглашений. Неурегулированным остаётся и вопрос налогообложения операций в метавселенных. Современное налоговое законодательство Республики Узбекистан пока не адаптировано к фиксации и регулированию цифровых сделок, таких как покупка-продажа NFT или оказание виртуальных услуг.

Юрисдикция и коллизии права. Правовая система Узбекистана традиционно строится на принципе территориально-

сти: законы применяются на территории Республики Узбекистан и в некоторых случаях к её гражданам за рубежом. Однако в метавселенной территориальные границы фактически размыты.

Возникает ряд вопросов: может ли суд нашей страны принять к производству спор о сделке между гражданином Узбекистана и иностранным лицом, совершённой полностью в виртуальном пространстве; каким образом определяется применимое право и юрисдикция при отсутствии явных территориальных привязок?

По общим правилам международного частного права применимое право и юрисдикция определяются соглашением сторон либо местом нахождения ответчика или местом исполнения обязательства. Однако в виртуальных контрактах эти привязки часто неочевидны. Существует риск, что резиденты Узбекистана окажутся без эффективной правовой защиты, если, например, в пользовательском соглашении будет предусмотрена юрисдикция, неудобная для истца (например, суд штата Калифорния). В настоящее время национальное законодательство не содержит норм, обязывающих международные цифровые сервисы подчиняться юрисдикции Узбекистана (за исключением сферы персональных данных, где действует требование о локализации данных).

Таким образом, существует юрисдикционный вакуум: ни национальные, ни международные нормы не дают чёткого ответа на вопрос о компетентности судов при рассмотрении споров, возникающих в метавселенных [4, с. 85].

Исполнение и принудительность права. Даже если суд Узбекистана вынесет решение, например о взыскании компенсации за нарушение авторских прав в Интернете, его исполнение потребует либо наличия активов нарушителя на территории нашей страны, либо признания и исполнения судебного акта за рубежом. В

случае с виртуальными правонарушителями часто отсутствует как первое, так и второе условие.

Проблемой является также отсутствие в процессуальном законодательстве специальных положений, касающихся: сбора электронных доказательств из виртуальной среды и применения обеспечительных мер в отношении цифровых активов (например, замораживание криптокошельков).

Эта проблематика выходит за рамки исключительно национального законодательства – глобально инструменты принуждения к соблюдению закона в Интернете пока ограничены. Однако для Узбекистана, как относительно небольшого государства, защита прав своих граждан в глобальных цифровых сетях представляет особый вызов.

Защита прав потребителей и ответственность в метавселенной. Если пользователь из Узбекистана приобретает VR-услугу или виртуальный товар и сталкивается с мошенничеством, на него распространяется действие Закона Республики Узбекистан «О защите прав потребителей». Однако реализация потребительских прав (например, возврат денежных средств) наталкивается на вышеописанные сложности юрисдикции и исполнительного производства. Кроме того, отсутствуют эффективные механизмы быстрого разрешения споров в режиме онлайн.

Дополнительной проблемой является отсутствие норм о цифровой идентификации в виртуальных пространствах. В метавселенной пользователь действует через аватар. Если аватар совершает противоправное действие, возникает вопрос: как установить, кто именно стоит за виртуальным образом? Требование обязательной верификации пользователей могло бы частично решить эту проблему, но оно противоречит концепции децентрализации и анонимности, заложенной в архитектуру многих виртуальных миров.

В настоящее время законодательство Республики Узбекистан не обязывает международные цифровые платформы проводить верификацию пользователей, за исключением некоторых сфер, таких как финансовые технологии и операторская деятельность в отношении персональных данных. Следовательно, анонимность злоумышленников остаётся серьёзным препятствием для эффективной правовой защиты в метавселенных.

2. Сравнительный анализ методологических подходов и международной практики

Сопоставляя ситуацию в Узбекистане с рассмотренными примерами других стран, можно отметить следующие ключевые моменты:

Универсальность проблем. Вопросы, с которыми сталкивается Узбекистан (юрисдикция, защита интеллектуальной собственности, защита персональных данных), являются общими для большинства юрисдикций [4, с. 80]. Пока ни одна страна не выработала окончательного решения: везде продолжается поиск баланса между поощрением инноваций и необходимостью регулирования. В этом контексте Узбекистан может учесть зарубежный опыт, адаптируя лучшие практики под свои правовые и социальные условия.

Нормативный вакуум и точечные решения. Практически везде наблюдается определённый лаг между развитием технологий метавселенной и законодательным откликом. Страны ЕС стремятся восполнить пробелы за счёт обновления существующих актов (например, Регламент о цифровых услугах – DSA для платформ). Китай применяет стратегию стандартизации и усиленного контроля. США опираются на судебную практику и адаптацию существующих норм.

Для Узбекистана, вероятно, также целесообразным будет не спешить с принятием отдельного закона о метавселенных

до выработки чётких принципов регулирования. Оптимальной стратегией может стать внесение изменений в уже действующие законодательные акты: в Гражданский кодекс, законодательство об интеллектуальной собственности и информации и в иные профильные нормативные акты.

Международная практика демонстрирует, что слишком жёсткое регулирование на ранней стадии способно задушить инновационное развитие (пример – Китай, где строгие ограничения могут снизить привлекательность метавселенных для иностранных пользователей). С другой стороны, полное отсутствие регулирования чревато хаосом и ростом правонарушений (пример – случаи harassment в VR в США, которые привели к вынужденному введению инструментов защиты пользователями самих платформ). Следовательно, необходим взвешенный, сбалансированный подход.

Кибербезопасность и защита данных как приоритет. Многие государства (ЕС, Китай, Сингапур) делают особый акцент на вопросах кибербезопасности: сертификация VR-оборудования; установление требований к шифрованию данных; разработка механизмов предотвращения кибератак. Метавселенные могут стать новой целью для киберпреступлений, и международная практика рекомендует заранее внедрять стандарты безопасности.

Узбекистан, приняв Закон «О кибербезопасности», заложил базу, однако требуется разработка подзаконных актов, конкретизирующих требования к операторам онлайн-платформ. Например, можно предусмотреть обязательное хранение лог-файлов действий пользователей в течение установленного срока для целей расследования инцидентов.

Защита персональных данных также является общемировым приоритетом. GDPR фактически стал глобальным стан-

дартом. Узбекистану целесообразно стремиться к гармонизации своих правил обработки персональных данных с международными нормами. Это позволит глобальным игрокам легче адаптировать свои политики на рынке Узбекистана. Например, в вопросах трансграничной передачи данных: в настоящее время Закон Республики Узбекистан требует либо получения согласия субъекта данных, либо ответственности принимающей стороны установленным требованиям. Перспективным направлением может стать заключение соглашений с ЕС о признании эквивалентности режимов защиты данных, что упростит трансграничную деятельность для международных компаний.

Саморегулирование vs государственный контроль. Международный обзор показывает, что устойчивые экосистемы виртуальных миров возникают там, где установлены чёткие «правила игры», но при этом оставлено пространство для саморегулирования индустрии. В США и частично в ЕС индустрия самостоятельно создаёт кодексы поведения и технологические решения (этические принципы использования искусственного интеллекта в виртуальной реальности, инструменты родительского контроля и другие меры). В авторитарных юрисдикциях, таких как Китай, акцент сделан на жёстком государственном контроле, однако это может снижать глобальную совместимость китайских решений с международными стандартами.

Узбекистану целесообразно занять промежуточную позицию: поощрять инициативы бизнеса в сфере саморегулирования. Например, местные IT-компании, разрабатывающие VR-продукты, могли бы при поддержке государства создать Ассоциацию разработчиков виртуальной реальности, которая выработала бы стандарты поведения в метавселенной. Эти стандарты впоследствии можно было бы

частично инкорпорировать в нормативно-правовое регулирование. Такой формат публично-частного диалога позволит выявить реальные потребности отрасли и риски на практике.

Адаптивность правовой системы. Международный опыт свидетельствует о необходимости повышения гибкости права перед лицом технологических изменений. Появляются идеи внедрения «регуляторных песочниц» для метавселенных – особых экспериментальных режимов, в рамках которых проекты могут тестироваться с ослаблением ряда требований, но под надзором уполномоченного органа. Аналогичные механизмы уже применяются в сфере финтеха.

Узбекистан имеет опыт использования «регуляторных песочниц» для крипто-проектов через Агентство по развитию перспективных проектов. По аналогии можно разработать экспериментальный правовой режим для стартапов в области метавселенной. Такой режим мог бы освобождать компании на ограниченное время от части бюрократических процедур при условии соблюдения требований по безопасности, защите данных и обязательной отчётности перед регулятором. Такой подход позволит не только стимулировать развитие новых технологий, но и сформировать правовые практики «научного регулирования», на основе которых в будущем можно будет принимать более обоснованные и сбалансированные нормативные акты.

3. Влияние кибербезопасности и защиты данных на правовой режим метавселенных

Кибербезопасность и защита персональных данных – смежные области, которые напрямую влияют на формирование правового режима метавселенных.

Киберпреступность в метавселенных. Как отмечалось ранее, в виртуальных мирах возможны различные противоправ-

ные деяния (от виртуальных аналогов насилия или домогательств до мошенничества с криптовалютами и распространения вредоносного программного обеспечения). Особенность заключается в том, что такие деяния совершаются в киберпространстве, но могут иметь реальные последствия в виде: психологической травмы (например, в результате домогательств к аватару); финансовых потерь (например, кража NFT-активов).

Правоохранительные органы только начинают учитывать специфику преступлений в виртуальной реальности. Интерпол указывает, что определение юрисдикции и атрибуции преступлений в метавселенных станет серьёзным вызовом для следственных органов [12]. Вероятно, возрастёт роль международного сотрудничества: для расследования преступления, затронувшего гражданина Узбекистана в метавселенной, потребуется установление каналов оперативного взаимодействия с зарубежными платформами и иностранными государствами. Это возможно через соглашения о правовой помощи и механизмы обмена электронными доказательствами.

Статья 9 Закона Республики Узбекистан «О кибербезопасности» провозглашает открытость к международному сотрудничеству, однако на практике это направление требует дальнейшего развития. В частности, целесообразно заключать двусторонние соглашения с ключевыми юрисдикциями о сотрудничестве в борьбе с киберпреступностью, включая преступления в виртуальных мирах.

Защита данных и право на приватность. Метавселенные существенно усиливают вопросы приватности. В отличие от традиционных социальных сетей, которые собирают «плоские» данные (тексты, фотографии), технологии виртуальной реальности позволяют собирать поведенческие паттерны, движения тела, физио-

логические реакции пользователей. И эти данные являются крайне чувствительными. Например, по движениям глаз можно определить эмоциональное состояние, а по моторике тела – диагностировать возможные заболевания.

Таким образом, к данным, собираемым в метавселенной, должны применяться строгие режимы защиты, аналогичные режиму охраны биометрических данных. Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» включает понятие биометрических данных, требующих особой защиты. Однако в контексте метавселенных потребуется уточнение, что данные VR-интеракций относятся к категории биометрических. Необходимо предусмотреть обязательное получение явного информированного согласия пользователей на сбор таких данных, а также предоставление пользователям инструментов управления приватностью (например, режимов ограничения сбора данных). В противном случае появляется риск злоупотреблений, когда платформы смогут глубже, чем когда-либо, профилировать поведение пользователей.

Уже сегодня обсуждаются вопросы допустимости «прослушки» частных разговоров аватаров администрацией платформ и обработки конфиденциальной информации в VR-пространствах. В реальном мире коммуникации защищены тайной переписки и тайной телефонных переговоров. Метавселенные не должны превращаться в зоны тотального контроля.

Национальные законы о защите данных могут предусматривать дополнительные требования к платформам: обязательное информирование пользователей о типах собираемых данных (геолокация, биометрия и т.д.); создание прозрачных политик конфиденциальности.

Безопасность инфраструктуры. Метавселенные полагаются на устойчивую ра-

боту сетей связи и дата-центров. Атака на такие инфраструктурные объекты может привести к полному выводу из строя виртуального мира и причинить значительный ущерб пользователям.

В этой связи на первый план выходит вопрос защиты критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ). Возможно, в будущем крупнейшие метавселенные следует отнести к объектам КИИ, чтобы субъекты, поддерживающие их работу, были обязаны соблюдать особые требования: резервирование каналов связи, защита от DDoS-атак, обеспечение бесперебойности сервисов и устойчивости к внешним воздействиям.

На данный момент национальное законодательство, в частности Положение о порядке обеспечения безопасности объектов критической информационной инфраструктуры (утверждено постановлением Кабинета Министров от 31 июля 2018 года № 469), не рассматривает зарубежные онлайн-сервисы как объекты КИИ. В перечень КИИ включены в основном объекты банковской сферы, энергетики, транспорта и других традиционных отраслей. Однако с ростом значения цифровой экономики критерии отнесения к КИИ могут и должны быть пересмотрены. Виртуальные платформы с миллионами пользователей, значительными финансовыми потоками и высоким уровнем общественной зависимости объективно становятся элементами новой цифровой критической инфраструктуры.

Таким образом, кибербезопасность и защита данных не являются изолированными аспектами, а должны рассматриваться как неотъемлемая часть правового режима метавселенных. Без надёжной защиты персональных данных пользователи не будут доверять виртуальным платформам, а отсутствие эффективных мер кибербезопасности ставит под угрозу сами основы виртуальных взаимо-

действий. Для Узбекистана важно синхронизировать развитие регулирования метавселенных с уже реализуемыми национальными стратегиями в области кибербезопасности, включая инициативы в рамках программы «Кибербезопасный Узбекистан».

Выводы

Проведённое исследование показало, что метавселенные ставят перед правом принципиально новые вызовы, но одновременно открывают возможности для переосмысления и актуализации существующих правовых норм. Для Узбекистана, как и для всего мирового сообщества, данная тема носит упреждающий характер – пока масштабных метавселенных немного, есть возможность подготовить соответствующую правовую базу заблаговременно.

В законодательстве республики отсутствует специальное регулирование метавселенных. Вместе с тем многие действующие нормы де-факто применимы к отношениям, возникающим в виртуальных мирах, в частности: нормы Гражданского кодекса о сделках и обязательствах, законодательство об ИС, персональных данных, кибербезопасности и другие акты.

При этом выявлены серьёзные проблемы: неурегулированность статуса виртуального имущества; сложности с определением юрисдикции споров и их разрешением; отсутствие процедур признания и исполнения иностранных судебных решений, связанных с виртуальными взаимодействиями.

Международный опыт (ЕС, США, Китай, Россия и другие юрисдикции) показывает, что государства пока находятся на стадии формирования подходов к регулированию метавселенных. Преобладает практика адаптации существующего законодательства, а именно: распространение норм о цифровых платформах на VR-сервисы; защита интеллектуальной собственности

через суды по аналогии с интернет-делами.

Вместе с тем возрастает понимание необходимости создания новых юридических конструкций, таких как: признание цифровых прав на виртуальные активы; разработка стандартов взаимодействия юрисдикций; обновление классификаций объектов интеллектуальной собственности для охраны виртуальных товаров.

Механизмы защиты ИС в виртуальных мирах на данный момент функционируют недостаточно эффективно. Правообладатели сталкиваются с массовыми нарушениями авторских и смежных прав, а также с незаконным использованием товарных знаков в метавселенных. При этом они вынуждены опираться либо на добровольное сотрудничество платформ, либо на длительные судебные процессы в разных юрисдикциях.

Действующие международные соглашения (Бернская конвенция, Парижская конвенция и другие) формально охватывают виртуальные объекты, однако основная проблема заключается в обеспечении соблюдения прав в трансграничной цифровой среде.

Необходимы дополнительные усилия для координации защиты интеллектуальной собственности в глобальном цифровом пространстве, возможно, под эгидой ВОИС или других международных органов.

Опираясь на выявленные тенденции и проблемы, можно рекомендовать следующие шаги:

1. Введение базовых понятий и расширение объектов гражданских прав. Следует официально закрепить в законодательстве определения таких терминов, как: «виртуальный (цифровой) актив», «метавселенная», «аватар», «невзаимозаменяемый токен» (NFT) и другие. Эти понятия могут быть включены, например, в Закон Республики Узбекистан «Об информатизации»,

либо целесообразно разработать и принять отдельный закон «О цифровых активах и технологиях распределённого реестра», где определить правовой режим виртуального имущества и токенов. Это создаст необходимую терминологическую основу для регулирования виртуальных миров.

Кроме того, рекомендуется внести изменения в Гражданский кодекс Республики Узбекистан, официально признав цифровые объекты видом имущества (нематериальным благом), находящимся под правовой защитой. По опыту других стран (например, России и Казахстана) можно дополнить Гражданский кодекс статьёй о цифровых правах, в которой предусмотреть: охрану прав на результаты творческой деятельности, выраженные в электронной форме; признание за цифровыми активами статуса объектов гражданских прав; возможность их отчуждения, наследования, передачи по договору и осуществления иных сделок.

2. Адаптация норм международного частного права. В законодательство о международном частном праве (включая раздел Гражданского кодекса Республики Узбекистан и Закон 1993 года «О внешнеэкономической деятельности») следует внести нормы, учитывающие особенности виртуальных правоотношений. Рекомендуется, в частности:

- установить правило, что при отсутствии соглашения сторон споры, вытекающие из деятельности в Интернете или метавселенной, подсудны судам Республики Узбекистан, если хотя бы одна из сторон является резидентом Республики Узбекистан либо ущерб причинён на её территории. Это обеспечит возможность привлечения споров к юрисдикции местных судов, особенно в целях защиты прав потребителей;

- предусмотреть признание электронных арбитражных оговорок, позволяя передавать споры, возникающие в метавсе-

ленной, в арбитраж, в том числе в рамках процедур онлайн-арбитража;

- учитывая глобальный характер метавселенных, Узбекистану целесообразно инициировать двусторонние соглашения с ключевыми государствами об упрощённом взаимном признании судебных решений по киберспорам, либо рассмотреть возможность присоединения к Гаагской конвенции 2005 года о соглашениях о выборе суда.

3. Совершенствование защиты ИС. Необходимо модернизировать законы об интеллектуальной собственности с учётом специфики цифровой среды. В частности:

- в Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» следует добавить норму о распространении авторского права на произведения, созданные с использованием технологий виртуальной реальности и искусственного интеллекта (включая случаи соавторства человека и ИИ в метавселенной);

- в Закон «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» внести уточнение, что правовая охрана распространяется также на использование товарных знаков в виртуальной среде (например, на виртуальные товары, изображения аватаров, виртуальные пространства).

Рекомендуется также:

- усилить ответственность за нарушения прав ИС в Интернете: внести изменения в Уголовный кодекс Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности, предусмотрев отягчающие обстоятельства, если нарушение совершено с использованием информационных систем;

- наделить компетентные органы (например, уполномоченный государственный орган в сфере ИС) правом блокировать доступ к интернет-ресурсам, систематически нарушающим права правообладателей (по аналогии с механизмами

антипиратских блокировок, действующими в Российской Федерации).

Кроме того, целесообразно создать в Узбекистане специализированный центр по интеллектуальной собственности в цифровой среде. Такой центр мог бы оказывать помощь авторам и правообладателям в отстаивании своих прав в Интернете и метавселенных, обеспечивать взаимодействие с международными организациями и зарубежными коллегами по вопросам защиты ИС в цифровом пространстве.

4. Регулирование виртуальных торгов и цифровой экономики. Следует рассмотреть внесение изменений в налоговое и валютное законодательство с целью выведения операций купли-продажи виртуальных товаров из «серой зоны».

Рекомендуется:

- определить, что реализация цифровых активов (NFT и других) облагается налогом на добавленную стоимость (НДС) как электронные услуги;

- установить особый налоговый режим для сделок с цифровыми активами (например, ввести льготное налогообложение на первые годы для стимулирования развития отрасли);

- ввести требование о регистрации бизнеса, управляющего крупными метавселенными на территории Республики Узбекистан, в качестве субъекта электронной коммерции, с обязательным представительством и налоговым резидентством в стране.

5. Обеспечение кибербезопасности и защиты пользователей. Необходимо разработать подзаконный акт (например, постановление Кабинета Министров) о мерах по обеспечению безопасности в виртуальных пространствах. В этом акте целесообразно предусмотреть: обязанность провайдеров VR-услуг в Узбекистане реализовать функции экстренной помощи пользователям (например, кнопку экс-

тренного вызова *panic button* при домогательствах); внедрение инструментов родительского контроля для несовершеннолетних пользователей; установление технических стандартов по обязательному шифрованию трафика и защите данных.

Также рекомендуется:

- установить требование о локализации особо чувствительных персональных данных (например, биометрии) на серверах, расположенных в Республике Узбекистан или дружественных странах;

- расширить компетенцию уполномоченного органа по защите персональных данных, предоставив ему полномочия мониторинга VR-сервисов на предмет соблюдения законодательства о защите данных;

- создать в сотрудничестве с Министерством внутренних дел и органами прокуратуры специальное подразделение, специализирующееся на расследовании киберпреступлений в инновационных сферах (метавселенные, даркнет и другие новые цифровые среды).

6. Международное сотрудничество и инициативы. Республике Узбекистан целесообразно активно участвовать в международных инициативах по разработке принципов регулирования метавселенных. В частности, в рамках СНГ или ШОС можно инициировать обсуждение унификации подходов к правовому регулированию виртуальных миров. Выработка совместных рекомендаций по правовым стандартам метавселенной позволит укрепить позиции Узбекистана как прогрессивного и активно развивающегося государства в области права.

Кроме того, важно усиливать участие в глобальных дискуссиях по вопросам регулирования виртуальных миров, принимая участие в мероприятиях ВОИС, Международного союза электросвязи (ITU) и других профильных международных организаций.

Подводя итог, можно констатировать: метавселенные требуют эволюции права,

но не революционного слома его устоев. Многие фундаментальные принципы, такие как защита прав человека, неприкосновенность собственности, свобода договора, сохраняют свою актуальность и продолжают служить основой регулирования, хотя их применение трансформируется под влиянием технологического прогресса.

Узбекистан, находясь в процессе активной модернизации законодательства, имеет уникальную возможность учесть лучшие практики и ошибки, допущенные другими странами. Реализация предложенных в данном исследовании мер по-

зволит: создать благоприятные условия для развития отечественных проектов в сфере метавселенной; одновременно обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов граждан в виртуальной реальности; сделать виртуальные пространства безопасной и подконтрольной праву средой, а не «Диким Западом» цифровой эпохи.

В перспективе гармоничное правовое регулирование метавселенных может стать значительным вкладом Узбекистана в формирование глобальной политики в области цифрового будущего.

REFERENCES

1. McKinsey. Company Value creation in the metaverse: The real business of the virtual world. New York, McKinsey and Company, 2022.
2. Sitnikov M. The Russian Legal Researches on Metaverses: a Scholar Review. *Legal Issues in the Digital Age*, 2024, vol. 5(1), pp. 98–121.
3. Khudaybergenov A., Muzafarov M. Metavselennaya i iskusstvennyi intellekt: zakony real'nogo mira porozhdayut problemy virtual'nogo mira [Metaverse and artificial intelligence: laws of the real world cause problems in the virtual world]. *Society and Innovations*, 2022, vol. 3, special iss., pp. 273–288.
4. Yildirim, Y., Toroslu I.H. Challenges in the Metaverse Jurisdiction and International Treaty Law. *International Review of Public Justice*, 2023, vol. 4(1), pp. 78–96.
5. Gulyamov S. Synergy of Artificial Intelligence and Metaverse in the Legal Context, in TSUL 2023: Legal Tech, Education and Digital Transformation of Law. Tashkent, TSUL Publ., 2023, pp. 45–58.
6. Park K. Trademarks in the metaverse, *WIPO Magazine*, 2022, Available at: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2022/01/article_0006.html
7. European Commission Virtual Worlds fit for people: Strategy on shaping Europe's digital future. *Digital Strategy*, 2023. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/virtual-worlds>
8. Reda J., Keller P. How the EU Digital Services Act may shape platform liability in the metaverse. *Journal of Intellectual Property Law and Practice*, 2022, vol. 17(9), pp. 774–784.
9. Fuller M. Legal Issues Ripe for Picking with Shift to the Metaverse. *Richmond Journal of Law and Technology*, 2021, vol. 28(1), pp. 1–36.
10. Xiao Q., Li C. China's all-in approach to the metaverse could spell trouble for U.S. tech supremacy. *Journal of Global Technology Policy*, 2023, vol. 18(2), pp. 124–148.
11. Ye J. China's industry ministry to work on standards for the metaverse. *Reuters*, 2023 September. Available at: <https://www.reuters.com/technology/chinas-industry-ministry-work-standards-metaverse-2023-09-18/>
12. Interpol. *Metaverse - A law enforcement perspective*. Lyon, Interpol Innovation Centre, 2022. Available at: <https://www.interpol.int/content/download/20828/file/Metaverse%20-%20a%20law%20enforcement%20perspective.pdf>
13. Turdialiev M.A. Some scientific theoretical discussions on the legal regulations of the metaverse. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 2023, vol. 3(8), pp. 298–307.

14. Brenner S.W. Fantasy Crime: The Role of Criminal Law in Virtual Worlds. *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*, 2008, vol. 11(1), pp. 1–97.

15. Hunter T. Surveillance will follow us into the metaverse, and our bodies could be its new data source. *The Washington Post*, 2022 January. Available at: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/01/13/privacy-vr-metaverse/>

16. European Union. Regulation (EU) 2022/2065 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). Brussels, *Official Journal of the European Union*, 2022.

17. European Union. Regulation (EU) 2022/1925 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act). Brussels, *Official Journal of the European Union*, 2022.

18. European Union. Regulation (EU) 2016/679 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (General Data Protection Regulation). Brussels, *Official Journal of the European Union*, 2016.

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-YIL 2-SON

VOLUME 5 / ISSUE 2 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.2.